

—

Видя, как Сяо Шань с энтузиазмом собирается прямо в резиденцию губернатора, Цзун Цин наконец-то понял, что имели в виду те столичные чиновники, говоря, что князь Ли слишком своеволен и с ним труднее иметь дело, чем с мелким дьяволом.

В этот момент Цзун Цин понял, что Сяо Шань не просто труднее, чем мелкий дьявол, он сам был одним из дьяволов.

Сяо Шань, как только что-то приходило ему в голову, тут же действовал, совершенно не думая о последствиях. Цзун Цин не осмеливался позволить ему так своевольничать.

Он тихо уговаривал: «Ваше Высочество, Ваше Высочество, это дело нужно обсудить».

Сяо Шань молча смотрел на него, всем своим видом показывая, что не хочет задерживаться. Незнающий мог бы подумать, что он испытывает глубокие чувства к Лю Цзинсюаню и хочет немедленно навестить его.

Цзун Цин с невозмутимым лицом серьёзно анализировал текущую ситуацию: «Ваше Высочество, у нас мало людей. Если Лю Цзинсюань окажет сопротивление, когда мы будем его обвинять, и повредит ваше драгоценное тело, это будет плохо».

Сяо Шань сказал: «Господин Цзун прав, но я думаю так: согласно расследованию господина Цзуна за последние дни, Лю Цзинсюань виновен, это неоспоримый факт. Доказательства почти открыто попали в руки господина Цзуна, и в Лянчжоу можно сказать, что чиновники и купцы едины. Теперь в Лянчжоу все знают, что я в очень хороших отношениях с Лю Цзинсюанем. Если люди обнаружат, что я приехал, но избегаю его, я боюсь, что кто-то в отчаянии пойдёт на крайние меры. Лю Цзинсюань виновен, это правда, но те, кто совершил преступление вместе с ним, не должны быть прощены».

«Сговор между чиновниками и купцами, раз уж они сговорились, то пусть делят и радость, и горе, и вместе отправляются в тюрьму».

Услышав это, Цзун Цин задумался.

В конце концов, они были чужаками, и если бы кто-то с недобрыми намерениями действительно заподозрил их и выяснил их личности, с этим было бы трудно справиться.

Сейчас у него были только доказательства, неблагоприятные для Лю Цзинсюаня. Если бы в этот момент кто-то действительно решился нанести удар по Лю Цзинсюаню, то все доказательства указали бы на Лю Цзинсюаня.

Те, кто был в сговоре с Лю Цзинсюанем, если бы не нашлось других доказательств, пострадали бы меньше всего.

Но в этом мире всегда лучше перестраховаться.

Такая ситуация действительно могла возникнуть, но он должен был поставить безопасность Сяо Шаня на первое место.

«О чём тут беспокоиться?» Сяо Шань, заметив беспокойство Цзун Цина, рассмеялся: «Господин Цзун, вместо того чтобы беспокоиться обо мне, лучше беспокойтесь о себе».

Цзун Цин опешил, а затем его сердце похолодело, и он подумал: «Действительно».

Преступление Лю Цзинсюаня, теперь доказанное, было общеизвестным фактом. Независимо от того, кого император пришлёт для расследования, это останется фактом.

Но если это дело затрагивает не только Лю Цзинсюаня, и если кто-то не хочет, чтобы они вытащили все ниточки, то нападение на него – лучший вариант.

Поскольку Сяо Шань был в хороших отношениях с наследным принцем, если бы он исчез, кто-то, желая запутать воду, мог бы потом сказать, что Сяо Шань, чтобы защитить Лю Цзинсюаня, напал на него. Если бы это дошло до императора, он, несомненно, заподозрил бы неладное.

Как для наследного принца, так и для Сяо Шаня.

На худой конец, даже если за Лю Цзинсюанем никто не стоит, и он сам, будучи глубоко погрязшим в грехах, захочет напасть на них.

Тогда безопаснее оставить Сяо Шаня, этого принца, и убить Цзун Цина. Если Сяо Шань согласится, они вполне могут скрыть его смерть, а затем выдумать историю, что он был убит разбойниками, которые подставили Лю Цзинсюаня.

«Неужели он так дерзок?» — не удержался Цзун Цин. Он был императорским посланником, лично назначенным императором, и нападение на императорского посланника каралось смертной казнью.

«Если бы он не был дерзок, доказательства уже были бы налицо», — равнодушно сказал Сяо Шань. «Он не дерзок, он просто чувствует себя безнаказанным. В любом случае, когда человек умирает, сколько бы ртов ни было, они ничего не скажут».

Это было самое странное, что Сяо Шань заметил после приезда в Лянчжоу: доказательства были слишком полными, их было слишком легко получить, как будто никто не боялся, что их

обнаружат.

Лю Цзинсюань был старшим братом главной супруги наследного принца, а его отец был главой Академии Ханьлинь, пользовавшимся большим доверием императора и известным своей честностью и неподкупностью. Иначе император не женил бы Сяо Цзиня на этой семье.

Сяо Шань не имел много дел с Лю Цзинсюанем, но слышал, что этот человек обладал характером своего отца, по крайней мере, был человеком с мозгами.

Но он пробыл в Лянчжоу несколько лет, и теперь его поступки были такими, словно у него не было мозгов.

Что за плата за сход с корабля? Это какая же бедность должна быть, чтобы придумать такую глупую идею?

Неужели это правда, как говорят, что Цзяннань — это место, которое может развратить сердца людей?

Некоторые говорят, что даже железный человек, попав сюда, может превратиться в человека, который только берёт, но ничего не отдаёт.

Ещё говорят, что Цзяннань богат, и даже свет в реке отражается от серебра. Отношения в Цзяннане сложны и запутаны, император каждый год отправляет сюда честных чиновников, но каждый год кто-то падает.

Если сердце Лю Цзинсюаня действительно было развращено деньгами Цзяннаня, это тоже объяснимо.

Цзун Цин серьёзно обдумал текущую ситуацию и счёл, что слова Сяо Шаня имеют смысл.

Просто сейчас идти к ним... Подумав об этом, он изменил своё мнение и посмотрел на Сяо Шаня: «Ваше Высочество не собирается арестовывать людей».

Это было утверждение, а не вопрос.

Сяо Шань, как ни в чём не бывало, сказал: «Зачем арестовывать? Разве они не пустили слух по городу, что мы в хороших отношениях? Раз уж в хороших отношениях, то, естественно, нужно прийти в гости».

Цзун Цин подумал, что так тоже хорошо. Сначала прийти в гости, заткнуть рты некоторым людям, а потом, когда придёт основная группа, арестовать их.

Сяо Шань, будучи князем, находится в резиденции губернатора. Если кто-то действительно захочет действовать, им придётся взвесить ситуацию. Если они навредят Сяо Шаню, этому принцу, император разгневаётся, и это повлечёт за собой наказание девяти поколений.

Подумав об этом, Цзун Цин вдруг почувствовал, что Сяо Шань довольно интересен, его мысли отличались от обычных людей, а поступки были довольно неожиданными.

Если бы он приехал расследовать дело один, он бы, несомненно, тайно выяснил преступления Лю Цзинсюаня, объединился с другими, а затем арестовал преступника, а потом медленно разбирал это дело, чтобы увидеть, нет ли за ним других людей.

Так было бы медленнее, но надёжнее, не так, как Сяо Шань, который, как только что-то приходило ему в голову, сразу же действовал.

—

Хотя Сяо Шань собирался жить в резиденции губернатора, он не стал сразу же освобождать дом семьи Цзинь.

Он позвал Цзинь Гуя, заранее заплатил за месяц аренды и сказал, что им нужно уехать на несколько дней по делам, но потом они вернутся.

Цзинь Гуй, взяв деньги, почувствовал, что их слишком много. Помимо предоставления жилья, Сяо Шань и другие не пользовались их едой и одеждой, поэтому он чувствовал себя неловко и, колебавшись, сказал: «Я слышал, что князь Ли и его свита придут в город через несколько дней, и чиновники готовятся к их встрече. В эти дни им совсем не до расследования того, что произошло на пристани. Я верну вам деньги, а если вы захотите остаться позже, я снова возьму с вас плату».

Сяо Шань сказал: «Возьми это, это твоё по праву».

Цзинь Гуй хотел что-то сказать, но Сяо Шань сказал: «Ты, приютив нас, пошёл на определённый риск. Инвестиции с риском иногда приносят убытки, а иногда - определённую прибыль. Сейчас эти деньги - твоя прибыль, это вполне разумно».

Цзинь Гуй: «...»

Он не понимал, что говорит Сяо Шань, но ему казалось, что это очень разумно, и он не мог найти слов, чтобы возразить.

Сяо Шань собирался отправиться в резиденцию губернатора с Се Чжунем, но Се Чэн не собирался ехать с ними. У Сяо Шаня и Цзун Цина были императорские приказы расследовать дело, и их «случайное» совместное путешествие было объяснимо. Но если бы он тоже

поселился в резиденции губернатора, это было бы немного странно, ведь у него не было императорского приказа.

Се Чэнь прямо сказал, что не собирается задерживаться в Лянчжоу надолго, а собирается отправиться в Янчжоу. Его приезд в Цзяннань, помимо желания избежать столичных интриг, был ещё и потому, что его подчинённые говорили, что в Янчжоу есть знаменитые врачи, и он хотел их навестить.

Он никогда не терял надежды на восстановление зрения.

Се Чжуй, естественно, не хотел, чтобы Се Чэнь уезжал один, но Се Чэнь успокоил его, сказав: «Со мной есть телохранители и Гу Нин, тебе не нужно беспокоиться. Если в Янчжоу найдётся знаменитый врач, это, конечно, хорошо. Если нет, я просто погуляю по Янчжоу. Когда вы закончите здесь, мы сможем вместе вернуться в столицу».

«Но...» Се Чжуй всё ещё беспокоился.

Се Чэнь серьёзно сказал: «Никаких «но». Я столько лет один обращался за помощью к врачам, уже привык. К тому же, у меня сейчас есть мой титул и авторитет князя, ничего не случится. А ты, не беспокойся обо мне, лучше хорошенько защищай своего принца здесь».

Се Чжуй, полностью поглощённый беспокойством о нём, совершенно не обратил внимания на эту шутку. Видя, что Се Чэнь настаивает на отъезде, ему оставалось только поручить Гу Нину хорошо заботиться о Се Чэне.

Братья попрощались, и только тогда Сяо Шань подошёл издалика. Они наблюдали, как Се Чэнь уходит с людьми.

Когда люди ушли, он сжал руку Се Чжуй.

Се Чжуй покачал головой и сказал: «Я в порядке».

Раньше, когда начиналась война, ему приходилось много дней оставаться в лагере, иногда Се Чэнь уезжал и возвращался, а он ещё не возвращался домой. Когда он узнавал об этих событиях, это уже был свершившийся факт, и беспокойству некуда было деться.

Теперь, когда они оба были в столице, вдали от войн, их сердца, наоборот, постоянно были на взводе.

«У тебя с братом хорошие отношения, беспокоиться о нём – это естественно», — сказал Сяо Шань.

Се Чжуй хмыкнул, ему казалось, что некоторые слова из уст Сяо Шаня звучат особенно приятно.

Сяо Шань потянул его вперёд и сказал: «Раз уж беспокоишься, то давай поскорее закончим это дело, а потом встретимся с братом».

Се Чжуй сказал «хорошо».

Когда Сяо Шань и его группа уходили, они встретили отца Цзинь Гуя.

Отец Цзинь Гуя был пьян и вспоминал дни своей юности в богатом доме, когда внезапно увидел, что они уходят. Его мозг мгновенно прояснился, он не осмелился подойти к Сяо Шаню, а лишь схватил Цзинь Гуя за руку и тихо сказал: «Как же ты отпустил богатого покровителя?»

Его сердце было полно тревоги. В эти дни он видел своими глазами, что Сяо Шань и другие тратили много, были богатыми людьми. Теперь, когда богатый покровитель уходит, когда же он сможет вернуться к своей прежней жизни?

Цзинь Гуй, глядя на отца, от которого пахло вином, немного рассердился. Раньше он всегда придерживался своих слов, и даже зная, что отец пьёт и притворяется пьяным, предаваясь грёзам, он ни разу не упрекнул его.

Сегодня же он, сам не зная почему, глядя на удивлённое лицо отца, недовольно сказал: «Богатый покровитель считает, что хозяева этого дома недостаточно трудолюбивы, поэтому не может оставаться. Отец, может, ты всё-таки вернёшься спать? Во сне ты сможешь увидеть возвращение богатого покровителя».

«А?» Отец Цзинь Гуя остолбенел.

Цзинь Гуй не обратил на него внимания и пошёл искать мать, которая занималась вышивкой.

Отец Цзинь Гуя стоял во дворе, и опьянение его совершенно прошло. Он огляделся, походил туда-сюда, а затем безвольно вышел за ворота.

Он чувствовал, что его прекрасный сон окончательно развеялся, и семья Цзинь никогда в этой жизни не вернётся к своей былой славе.

Сяо Шань и другие, естественно, не знали о том, что произошло в семье Цзинь. Выйдя из дома Цзинь, Сяо Шань приказал отряду телохранителей отправиться навстречу императорскому эскорту и ускорить их продвижение.

Остальные последовали за ним в резиденцию губернатора.

Они ехали в резиденцию губернатора верхом на лошадях. Езда верхом была обычным делом в Лянчжоу, поэтому на улице никто не обратил на них внимания.

Когда они прибыли к воротам резиденции губернатора, чиновник, зевая, спросил, что им нужно.

Группа людей не обратила на него внимания. Спяввшись, Сяо Шань бросил чиновнику нефритовый кулон и с лёгким нетерпением сказал: «Отнеси это Лю Цзинсюаню и скажи ему, чтобы он вышел ко мне».

Чиновник хотел что-то сказать, но, услышав, что они называют Лю Цзинсюаня по имени, и увидев их угрожающий вид, не осмелился больше ничего говорить и поспешно побежал внутрь.

Вскоре вышел Лю Цзинсюань. Он, должно быть, ещё спал, так как пояс его одежды был не завязан, а волосы растрёпаны.

Лицо Лю Цзинсюаня было очень интеллигентным, и он выглядел очень честным.

Честно говоря, по его внешности совершенно невозможно было сказать, что он был человеком, осмелившимся открыто брать взятки.

Увидев Сяо Шаня, Лю Цзинсюань подошёл, чтобы поклониться, но Сяо Шань схватил его за руку и с улыбкой сказал: «Брат Лю, давай поговорим внутри».

Лю Цзинсюань оглядел толпу, которая хотела подойти, затем взглянул на Цзун Цина, и на его лице тут же появилась широкая улыбка, и он пригласил Сяо Шаня внутрь.

Войдя во внутренний двор и закрыв ворота, телохранители встали на стражу. Сяо Шань не пошёл во внутренний зал, а остановился во дворе, затем поднял бровь и дважды взглянул на Лю Цзинсюаня.

Лю Цзинсюань поспешно велел слугам принести им стулья. Сяо Шань потянул Се Чжюя, чтобы тот сел, Цзун Цин, поколебавшись, сел рядом.

Лю Цзинсюань поджал губы и подошёл, чтобы поклониться.

Поклон был сделан наполовину, когда раздался ленивый голос Сяо Шаня: «Господин Лю, не спешите, я хочу задать вам один вопрос».

Лю Цзинсюань замер, не зная, кланяться или нет, его поза была очень неловкой. Сяо Шань с первого взгляда хотел найти повод для неприятностей, это было демонстрацией силы. Лю Цзинсюань, с трудом сдерживаясь в этой неловкой позе, сказал: «Ваш покорный слуга не

смеет, Ваше Высочество, пожалуйста, говорите».

«Человек, который собирал деньги за сход с корабля на пристани, был из вашего дома?» — прямо спросил Сяо Шань.

Лю Цзинсюань не стал отрицать и сказал: «Отвечаю Вашему Высочеству, да, это были дворецкий и слуги из дома вашего покорного слуги».

Сяо Шань хлопнул в ладоши и сказал: «Это хорошо. Позовите их сюда, я хочу с ними встретиться».

Лю Цзинсюань не стал задавать лишних вопросов и поспешно велел слугам позвать всех, кто собирал деньги на пристани.

Когда все собрались, Сяо Шань сразу же увидел того дворецкого, который когда-то хотел его проучить.

Сяо Шань взглянул на него, увидев, как тот дрожит от шока, и остался очень доволен. Затем он поочерёдно перевёл взгляд на остальных.

Его взгляд был безразличным, но он ощущался как удар ножом по коже, причиняя сильную боль.

Медленно оглядев всех, Сяо Шань поднял руку и указал на дворецкого: «Эй, господин Лю, верно? Подойди и поговори».

Лю Цзинсюань был напуган до смерти от этих слов «господин Лю», не говоря уже о дрожащем дворецком.

Дворецкий почти выполз из строя, с лицом, залитым слезами, он отчаянно кланялся Сяо Шаню: «Ваше Высочество, пощадите, Ваше Высочество, пощадите. Это всё из-за моей слепоты, моей слепоты...»

Он кланялся очень громко и искренне, и вскоре его лоб распух.

Плакал он очень жалобно, совершенно не сравнимо с его высокомерием в тот день.

Умоляя Сяо Шаня, дворецкий взглянул на Лю Цзинсюаня, сопли и слёзы текли по его лицу, и он сказал: «Господин, спасите меня, господин, спасите!»

Лю Цзинсюань взглянул на дворецкого, затем на Сяо Шаня, и на мгновение его лицо стало

очень холодным. Он спокойно сказал: «Не знаю, чем Лю Сань оскорбил князя, прошу князя прояснить».

Сяо Шань слегка улыбнулся, откинулся на спинку стула и лениво сказал: «В тот день я и господин Цзун проходили через пристань, и он потребовал с нас плату за сход с корабля. Эта плата за сход с корабля уникальна для вашего Лянчжоу, и мы с господином Цзуном, будучи здесь новичками, подумали, что должны уважать ваши обычаи, и заплатили. В результате ваш господин Лю остался недоволен, то называя меня больным, то заявляя, что войдя в этот город Лянчжоу, он становится моим отцом. О, я тогда сказал ему, что ему не суждено быть этим отцом, но он всё равно был недоволен и настаивал на том, чтобы учить меня вместо моего отца».

Лю Цзинсюань, услышав до половины, уже не выдержал и рухнул на колени.

Дворецкий же дрожал ещё сильнее, его губы дрожали, и он не мог вымолвить ни слова. Если бы он знал, что тот, с кем он спорил в тот день, был Сяо Шанем, он бы и язык себе откусил, но не посмел бы сказать таких слов.

Сяо Шань прямо посмотрел на Лю Цзинсюаня и сказал: «Господин Лю, ваш «господин Лю» очень дерзок, даже могущественнее моего отца. Я действительно напуган. Что, по-вашему, следует сделать с этим человеком?»

Лю Цзинсюань, не раздумывая, спокойно сказал: «Этот человек оскорбил императора, даже смерть для него будет слишком лёгкой, его следует казнить».

Лю Сань мгновенно побледнел и покрылся холодным потом. Он недоверчиво посмотрел на Лю Цзинсюаня и сказал: «Господин, вы хотите убить меня, чтобы замести следы!» Сказав это, он пополз к Сяо Шаню и в ужасе сказал: «Ваше Высочество, господин не хочет, чтобы я говорил, он хочет замести следы, прошу князя дать мне шанс выжить».

Сяо Шань хлопнул в ладоши, и тут же телохранитель подошёл и заткнул рот Лю Саню.

Сяо Шань с полуулыбкой посмотрел на Лю Саня и сказал: «Твоя дорога жизни была перекрыта тобой самим в тот день. Как я могу дать тебе шанс выжить сегодня? Уведите его. Раз уж это дворецкий господина Лю, пусть господин Лю сам с ним разберётся».

Лю Сань, мыча, с отчаянием на лице пытался что-то сказать, его выражение лица говорило о тысячах слов. Но он ничего не мог сказать и был утащен телохранителем.

Цзун Цин, увидев это, опешил, а затем встал и посмотрел на Сяо Шаня, сказав: «Ваше Высочество, раз этот человек говорит, что у него есть скрытые обстоятельства, почему бы не дать ему высказаться?» Он вдруг почувствовал, что снова не может понять Сяо Шаня, и даже подумал, что действия Сяо Шаня похожи на сокрытие убийства ради Лю Цзинсюаня.

Сяо Шань взглянул на него с недоумением и сказал: «Он оскорбил императора и виновен в преступлении, караемом смертной казнью. Я знал, что он что-то замышляет, но не убил его сразу. Почему господин Цзун так спешит? К тому же, он, скорее всего, скажет о тех преступлениях, которые совершил Лю Цзинсюань, это будет лишь свидетельские показания. Сейчас Лю Цзинсюань перед нами, господин Цзун сначала допросит Лю Цзинсюаня, а потом допросит этого Лю Саня, разве не всё равно?»

Цзун Цин: «...»

Если так подумать, в поступке Сяо Шаня нет ничего плохого. Он обязательно доложит императору обо всём, что видел и слышал во время поездки в Лянчжоу. Если Сяо Шань не предпримет никаких действий после встречи с Лю Санем, император, вероятно, узнав об этом, возможно, затаит обиду.

Ведь поведение Лю Саня было равносильно самоубийству.

Однако, если Сяо Шань сначала защитит лицо императора, это может привести к недоразумениям. Например, он только что невольно подумал, не собирается ли Сяо Шань публично покрывать Лю Цзинсюаня.

Цзун Цин, поняв это, почувствовал себя неловко и снова сел.

Сяо Шань внимательно разглядывал Лю Цзинсюаня, сверху донизу.

Посмотрев некоторое время, он равнодушным тоном спросил: «Господин Лю, вы знаете, зачем я и господин Цзун приехали в Лянчжоу?»

Лю Цзинсюань кивнул и спокойно сказал: «Ваш покорный слуга знает».

«Правда ли то, что написано в докладе Ван Синя, уездного магистрата Суаня?» — снова спросил Сяо Шань.

Лю Цзинсюань закрыл глаза: «По большей части правда».

«Например?»

Лю Цзинсюань: «Коррупция и взяточничество».

«А убийства, чтобы замести следы?» — холодно спросил Сяо Шань.

Лю Цзинсюань: «Ваш покорный слуга никого не убивал, но это сделали люди из моего

окружения, что равносильно тому, что убил я сам».

Услышав это, Сяо Шань больше не задавал вопросов. Цзун Цин впервые видел, чтобы кто-то так откровенно признавал свою вину, и не удержался, спросив: «Господин Лю, почему так?»

«Почему?» На лице Лю Цзинсюаня наконец появилось второе выражение: полуулыбка, полусамоирония, немного страха. Он сказал: «Говорят, Цзяннань – это богатое гнездо серебра, повсюду под ногами серебро. Ваш покорный слуга тоже когда-то хотел быть честным чиновником, но, к сожалению, люди вокруг него были использованы, а сам он попался на удочку, а потом не смог удержаться, и в конце концов подвёл императорскую милость. Ваш покорный слуга не хотел, чтобы его разоблачили, и тоже питал надежды на удачу, но ситуация в Цзяннане слишком сложна, купцы и чиновники много общаются, и ваш покорный слуга всё глубже увязал, и вот-вот должен был протянуть руку к экзаменам... Если так пойдёт и дальше, это повлечёт за собой и моего отца, и наследного принца».

Говоря последние слова, выражение лица Лю Цзинсюаня было неопределённым: то ли он улыбался, то ли плакал.

Его отец был главой Академии Ханьлинь и руководил экзаменами в этом году. В Цзяннане было много богатых людей, и ещё больше тех, кто хотел стать чиновниками. У этих людей был компромат на его коррупцию, и они, естественно, хотели с его помощью жульничать, заранее получая экзаменационные вопросы.

У его отца был только он один сын, которого он обычно любил до глубины души.

Если бы он действительно написал письмо, жалуясь на своё положение, его отец, даже если бы он был очень зол, не стал бы равнодушно смотреть, как он умирает, и, возможно, сам бы оказался втянут, а экзаменационные вопросы были бы раскрыты.

Лю Цзинсюань тоже не хотел умирать, но у него ещё оставалась совесть. Он подумал, что если это дело раскроется, его семья, сестра и даже наследный принц будут замешаны, и он очень испугался.

Испугался настолько, что лучше признался в своих преступлениях.

В эти дни он, с одной стороны, играл с людьми, а с другой – беспокоился о своём положении.

Теперь всё закончилось.

Цзун Цин: «...»

Этот человек был довольно разумен в важных вопросах, как же он мог так запутаться?

Лю Цзинсюань разгадал его мысли и горько улыбнулся. Вначале он тоже не хотел подводить императорскую милость. Его семья была честной из поколения в поколение, и он тоже хотел проявить себя в Цзяннане, добиться чего-то.

Но когда он действительно прибыл на место, всё вышло из-под контроля.

«Расскажи, что именно произошло», — холодно сказал Сяо Шань, когда все замолчали.

—

<http://bllate.org/book/14491/1282525>